

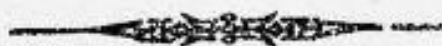

О СМЕРТИ

И

КАКІЯ ИСКУШЕНІЯ.

*(Изъ книги: Путь ко спасенію, Ф. Эмма,
размышленіе VII).*

МОСКВА.

Типографія Вильде, Верхняя Бисловка, собствен. домъ.

1895. (обл. 1894)

Дорогіє друзья!

Представляемъ вамъ произведеніе Эмина Федора Александровича «О смерти и какія искушенія» (въ нѣкоторыхъ источникахъ: «О смерти закоренѣлаго грѣшника и какія страшныя искушенія бывають при концѣ его жизни»), являющееся выдержкой изъ его книги «Путь ко спасенію». Въ немъ авторъ размышляетъ о томъ, какъ страшна человѣческая смерть безъ покаянія.

Въ нашемъ изданіи приводится текстъ въ авторской орѳографіи, вывѣренный по источнику 1895 года изданія¹ съ исправленіемъ явныхъ опечатокъ.

Пріятнаго вамъ прочтенія, друзья!

¹ Эминъ, Федоръ Александровичъ (1735-1770). О смерти и какія искушенія [Текстъ]: (изъ книги: Путь ко спасенію, Ф. Эмина, размышленіе VII). – Москва: Е. А. Губановъ, 1895 (на обл. 1894) (Тип. Вильде). – 72 с.; 18 см.

О СМЕРТИ
И
КАКІЯ ИСКУШЕНІЯ.

*(Изъ книги: Путь ко спасенію, Ф. Эмина,
размышленіе VII).*

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета
печатать дозволяется, Москва, 28 Февраля 1894 г.
Цензоръ Священникъ *Іоаннъ Петропавловскій.*

МОСКВА.
Типографія Вильде, Верхняя Кисловка, собствен. домъ.
1895.

Всему человѣческому роду смерть и ея слѣдствія весьма страшны: мыслей затмѣніе, отсутствіе здраваго разсужденія, лишаяющія насъ памяти жестокія горячки, и людей праведно жизнь препроведшихъ, весьма устрашаютъ; но сто кратъ больше всѣ оныя болѣзни и смертельные припадки тревожить будутъ человѣка живущаго неправедно. Неправеднаго человѣка при смерти его зло объемлетъ, утверждаетъ Святыи Пророкъ Давидъ: «смерть грѣшника люта» (Псал. 23, ст. 22). Его обступятъ кругомъ злые духи, которымъ онъ служилъ, и кои для наказанія злыхъ опредѣлены какъ у Сираха написано: «суть духи иже создани быша на мечь» (Сир. гл. 39, 34). Они до согрѣшенія опредѣлены Богомъ для наказанія злыхъ, и правосудіе Божіе чрезъ нихъ приводитъ въ дѣйствіе Свои божественныя опредѣленія и содѣлываетъ ихъ палачами наказующими умершихъ, безъ покаянія въ грѣхахъ, людей, съ тѣмъ только различіемъ, что палачъ за гражданскія вины наказывающій, не побуждаетъ никого къ исполненію оныхъ, а душевные наши палачи и сами насъ къ творенію зла побуждаютъ. Ибо они, бывъ изгнаны изъ царства небеснаго, не сдѣлались вовсе безсильными, но только утратили благодать Господню и способность творить добро, которое принадлежитъ преимущественно единому Господу; и какъ діаволъ не можетъ никогда быть въ мирѣ съ Богомъ, такъ въ немъ не можетъ быть никакого блага, которое прилично совершенствамъ Божественнымъ и чловѣку богоугодному, святѣйшія повелѣнія Господа соблюдающему. Правда, что злые духи, имѣя естество тонкое, быстрое, проникающее, имѣютъ въ природѣ своей не малую силу, но въ дѣйствіи своемъ они такъ ограничены, что соотвѣтственно злomu произволенію своему вредить чловѣку не могутъ. Ибо, если бы злые духи, все что ни захотятъ, могли дѣлать чловѣку, то бы по сродной своей къ чловѣческому роду

ненависти всѣхъ людей во адъ низвели. Однако непостижимою премудростію Господнею, человѣка искушать злымъ духамъ дозволено, а человѣку данъ разумъ для разобранія, какого рода суть діавольскія искушенія и сколько они душевредны. А ежелибъ діаволамъ не было дозволено искушать людей, то мы не имѣли бы случая оказать столько ревности и мужества въ служеніи Богу, сколько нынѣ оказать можемъ, слѣдовательно были бы спасены безъ борьбы со врагомъ, единственно по опредѣленію Господню. Но правда, что Богъ съ тѣмъ создалъ человѣка, чтобъ онъ былъ спасенъ; но когда онъ святѣйшее Его приказаніе приступилъ, тогда человѣческая природа совсѣмъ перемѣнилась, и то, что было несмертное, начало умирать. И по той причинѣ Спаситель нашъ, принявъ на Себя человѣческую плоть, претерпѣлъ тягчайшія гоненія, тѣлесныя немощи и дозволилъ Себя искушать діаволу, (Матѹ. гл. 4, ст. 3), чтобъ дать знать человѣческому роду, что когда не умѣлъ человѣкъ сохранить совершенное свое благо, для котораго былъ созданъ, то надлежало ему впредь получить оное великими трудами и воевать храбро съ тѣломъ и душевнымъ своимъ непріателемъ, чтобъ быть побѣдителемъ и удостоиться вѣчнаго блаженства. Ежели жъ злый духъ старается чрезъ всю жизнь нашу отводить насъ отъ добра, кольми паче постарается онъ совершить дѣло свое при смерти нашей, и во время кончины человѣческой употребить всѣ силы свои. Употребявъ демоны всю свою силу, когда увидятъ человѣка съ симъ свѣтомъ расстающагося; будутъ его тревожить приближеніемъ смерти, станутъ внушать въ сердце его несносную печаль о томъ, что съ нажитымъ добромъ разлучается; устрашать его будутъ позорною совѣстію; представляютъ ему предъ глаза всѣ грѣхи его и будутъ устрашать вѣчною смертію и правосудіемъ Господнимъ,

не приминуть страшными своими видами тревожить душу его и разными болѣзнями отягощенное тѣло пугать и грѣшника въ отчаяніе приводить. По той то причинѣ Господь Богъ смерть грѣшнаго человѣка называетъ въ превосходной степени злою: «смерть грѣшника люта» (Псал. 33, ст. 2). А чтобы тебя, душа моя, побудить къ исправленію жизни, я тебѣ изъясню подробно всѣ искушенія, которыя твой вѣчный непріятель при разлукѣ твоей съ тѣломъ употребить можетъ.

Во первыхъ будетъ тебѣ несносно разсуждать о томъ, что смерть твоя приближается. Ибо всякому больному, а больше всего грѣшному человѣку, «смерть весьма ужасна», утверждаетъ Святой Іоаннъ Златоустъ. И видимъ сіе въ примѣрѣ царя Саула, который весьма былъ храбръ и воевалъ противъ непріятелей съ отмѣнною силою и крѣпостію духа, никогда не думая того, что смерть отъ него на пядень ходила, и самъ оную встрѣчалъ, бросаясь съ стремленіемъ на непріятелей. Когдажъ въ привидѣніи ему явившійся Самуиль Пророкъ сказалъ: «завтра ты и сынове твои падутъ съ тобою, то палъ на землю, и убоясь зѣло отъ словъ Самуиловыхъ». (1 Цар. гл. 28, ст. 19—20). Отъ чего жъ столь необыкновенная боязнь въ немъ родилась, если не отъ искушенія душевнаго непріятеля? Діаволь внушилъ въ него чрезвычайный страхъ, который остудилъ всю его кровь; конечно, онъ представилъ ему всю порочную жизнь и короткое время оной, что въ одинъ день нельзя ему было уже исправиться, и приведши его въ отчаяніе, наполнилъ сердце его смертельнымъ ужасомъ, такъ что Саулъ въ то же самое время уже какъ бы лишился жизни, когда узналъ, что смерть ему завтра была назначена. Θεодоритъ о семъ Сауловомъ приключеніи разсуждая, такъ утверждаетъ: діаволь въ него внушилъ смертельный ужасъ, потому что онъ всю жизнь служилъ ему. Этому злomu духу свойственно, чтобы ужасомъ

поражать сердца грѣшныхъ. Сколько бы грѣшникъ ни отваженъ былъ въ войнахъ, гдѣ онъ думаетъ о побѣдѣ и корысти, а не о смерти, сколько бы ни храбръ и силенъ былъ, но какъ только вспомнить о смерти, то страхъ наполняетъ сердце его, и смертный трепеть оное проникаетъ. Кто же праведенъ есть? кто служитъ всѣмъ сердцемъ и всѣми мыслями Богу своему, тотъ вспомня о смерти, хотя по свойственному человѣческой природѣ животолюбію и страшится, однако страхъ его скоро проходить; онъ полагается на волю Божию, отдается Его святѣйшему призрѣнію, проситъ помощи и защищенія отъ нападающаго на него душевнаго непріятели, и тогда сердце его наполняется надеждою и тѣмъ душевнымъ дерзновеніемъ, которое въ такомъ случаѣ однѣмъ только праведнымъ душамъ извѣстно. Ежели праведный, лежа при смерти, узнаетъ отъ врача, что уже время смерти его приходитъ, то по большей части постарается о томъ, чтобъ преодолѣть искушенія душевнаго своего непріятели, и чтобъ послѣднія минуты жизни употребить на молитвы къ Богу, прося о вспоможеніи и сохраненіи души его отъ діавольскихъ сѣтей, потомъ нажитое имъ имѣніе распредѣляетъ своимъ сродственникамъ, а нѣкоторую часть онаго опредѣляетъ бѣднымъ, чтобъ Бога молили за душу его, зная, что отъ нѣсколькихъ часовъ зависить награда всей его жизни и такъ приготовясь къ смерти умираетъ, исполненъ надеждою будущаго блаженства. Но не то совсѣмъ съ грѣшными людьми бываетъ, когда въ грѣхахъ утопшаго человѣка оставляютъ лекаря, и когда ему скажутъ родственники, чтобъ написать духовную (ибо жизнь его въ опасности находится), какой ужасъ тогда объемлетъ его сердце! вся кровь въ немъ леденѣетъ, трепещетъ сердце; духъ его мятется, громъ чрезъ уши влетаетъ въ сердце его, и ранитъ оное неисцѣлимою язвою страха и отчаянія. Святый Исаія Пророкъ о страхѣ грѣшныхъ при смерти

глаголетъ: «въ тотъ день преданъ былъ до заутра аки лъву тако сокруши вся кости моя» (гл. 38, ст. 13). Ибо сколько ужасна смерть человѣку, нечаянно въ страшный зѣвъ лютаго льва схваченному, и какую онъ тогда ощущаетъ боль, какъ сей лютый звѣрь терзаетъ его тѣло своими когтями, разрываетъ оное въ мелкія частицы страшными зубами своими, толь ужасна смерть будетъ грѣшному, котораго всю природу душевный непріятель наполнилъ жесточайшимъ ужасомъ и угрызениемъ совѣсти представляющей ему всѣ гнусности, которыми грѣшный человѣкъ отяготилъ оную.

Ежели Святой Илія пророкъ, будучи угодникомъ Божиимъ, ужаснулся смерти, когда его увѣрили, что Іезавель царица хочетъ его лишить жизни, какъ свидѣтельствуеть намъ Священное Писаніе сими словами: «убояся Илія, и воста, и отъиде души ради своя» (3 Цар. гл. 19, ст. 3): кольми паче вострепещеть предъ смертію грѣшное и неправедное сердце, не имѣя силъ бѣжать, лежа, на постелѣ отягощенное жестокою болѣзнію. Въ то время никакой совѣтъ, никакой пріятель не можетъ освободить душу грѣшнаго отъ пожирающаго ее страха. Да и какой можетъ быть полезный совѣтъ человѣку, почти погибшему? Хотя бы кто ему и совѣтывалъ: не тревожься, другъ, будешь еще живъ, невозможнаго ничего нѣтъ; но такія слова больше отяготятъ, нежели облегчатъ неправедное сердце. Такъ, еслибы кто, во многихъ ужасныхъ разбояхъ истиннымъ доказательствомъ обличенному злодѣю, когда палачъ кладетъ уже веревку ему на шею, чтобъ его повѣсить, совѣтывалъ: не бойся, дружокъ, еще ты можетъ быть будешь живъ; вѣрно что такой совѣтъ больше бы его потревожилъ, потому что онъ уже видитъ жизнь свою при самомъ концѣ, при томъ и знаетъ точно самъ за собою, что смерти достоинъ уже неоднократно. Если кто

безвинно идетъ къ смерти, то его невинность и неоднократно совѣсть подають надежду: авось невинность его будетъ открыта, но собственной совѣстію уличенный злодѣй чего кромѣ достойнаго себѣ наказанія, надѣяться можетъ уже въ рукахъ правосудія?

Подобнымъ образомъ каждый, несправедно живущій человѣкъ при смерти почувствуетъ тяжесть ужаса, томящаго природу его, вскричитъ тогда, ежели болѣзнь его не дастъ ему сказать слова, подумаетъ мысленно: ахъ! уже приходитъ конецъ жизни моей, свѣтъ уже не для меня! Ахъ, лучше бы мнѣ не родиться, столь ужаснаго дожидаться времени? Ибо обыкновенно злобные люди ненавидятъ тогда бытіе свое, когда жизни лишаются со страхомъ и сомнѣніемъ. Тогда то человѣку придетъ все прошедшее на мысль: богатство, достоинства, великолѣпные дома и все его имѣніе и что при жизни своей каждый легко цѣнитъ, почитая себя достойнымъ еще лучшаго счастья, то тогда ему покажется невеликимъ, когда ему всего лишиться смерть велить. Не одинъ богачъ, имѣющій испорченную совѣсть, лежа при послѣднихъ издыханіяхъ на постелѣ своей, зальется слезами, что съ великими трудами нажитыя сокровища оставляетъ наслѣдникамъ, не могши съ собою ни сама малѣйшей части понести въ непостижимую вѣчность. Иному придетъ на мысль: оставляю я друзей, которые всегда старались мнѣ дѣлать угожденіе, оставляю свою любовницу, по которой я столько лѣтъ страдалъ. Другой подумаетъ: деревни мои, великолѣпно построенные дома кому достанутся? Ахъ! я думалъ еще оныя распространить, красить, а теперь лишуюсь всего и буду вмѣщенъ въ страшное жилище, изъ нѣсколькихъ досокъ сложенное; прежде я старался, чтобъ изъ великолѣпнаго моего строенія сдѣлать крѣпость, окапывалъ мызы свои шанцами, окружилъ

пушками, а теперь иду въ узкую могилу. Прежде всѣ мои сродственники, всѣ мои друзья и служители, видя меня въ великомъ случаѣ, старались предупреждать мои повелѣнія своимъ повиновеніемъ; нужду во мнѣ имѣющіе осыпали меня дарами, друзья мои всегда угощаютъ меня старались, и въ честь себѣ вмѣняли то, когда я къ нимъ, бывало, приѣду! А теперь всѣ пойдутъ за гробомъ съ радостію; а иные съ омерзѣніемъ! наслѣдникъ, которому при мнѣ не было воли, возрадуется, что начнетъ послѣ кончины моей роскошествовать, и смерть моя началомъ ему будетъ всѣхъ радостей, иные въ платки спрячутъ носы свои, когда красота моя превратится въ гной и мерзость; друзья мои, толь инога моею милости или сотоварищества ищущіе, только едва удостоятъ меня тѣмъ, что нѣсколько горстей земли на мой гробъ положатъ, когда гробъ и всѣмъ страшное мое тѣло будутъ опускать въ могилу. Иной съ смертельнымъ ужасомъ вопіетъ: ахъ! я славнѣйшій въ нынѣшнемъ вѣкѣ былъ воинъ, весь свѣтъ меня почиталъ: друзья, слуги и великіе люди меня окружали, чтожь я буду послѣ смерти? Ахъ, страшно и подумать: черви грысть будутъ всю жизнь свою гордившееся тѣло мое, и чрезъ нѣсколько времени со всею моею славою въ прахъ превращуся. Такія и симъ подобныя мысли будутъ мучить грѣшныхъ при смерти ихъ, и отъ нихъ произойдетъ отчаяніе, а послѣ онаго вѣчная послѣдуетъ смерть. Праведно же живущій человекъ ни о чемъ иномъ при смерти своей не думаетъ, какъ о спасеніи души своей. Если есть у него небольшое имѣніе, то оставляетъ оное наслѣдникамъ безъ печали, надѣясь въ другой жизни непостижимыми наслаждаться благами. Если онъ бѣденъ и оставляетъ многихъ послѣ себя дѣтей, то препоручаетъ ихъ милосердію Божію; крѣпко надѣясь, что щедрота Всевышняго не оставитъ погибнуть въ сиротствѣ дѣтей такого человека, который всю жизнь

употреблялъ на служеніе Богу и не старался собирать тайныя сокровища.

Обыкновенно, когда портятся основанія нашего дома, портятся и всѣ стѣны и своды, слѣдовательно, ежели уменьшается наша жизнь, которая есть основаніе всѣхъ нами читаемыхъ благополучій, то уменьшится тогда вся наша радость и слава наша, о которой мы прежде столь много старались; и желаніе наше тогда увеличится, когда теряемъ нами полученное. Во первыхъ, мы въ самой высочайшей степени желаемъ имѣть любимую вещь, которой не имѣемъ, а по полученію оной желаніе наше уменьшается. Но ежели въ скоромъ времени утратимъ любимую нами вещь, то желаніе еще больше умножается, чтобъ получить оную обратно; къ желанію присовокупляется печаль объ утратѣ нами понесенной: и тою печалію увеличивается еще больше степень желанія. Ибо гораздо легче желать крѣпко съ надеждою получить желаемое, нежели желать крѣпко съ печалію и сомнѣніемъ, получимъ ли то, чего мы лишились. Подобнымъ образомъ и грѣшникъ будетъ съ неизреченною печалію желать теряемой имъ жизни, теряемыхъ сокровищъ, друзей и имѣній, когда будетъ сомнѣваться въ возвращеніи оныхъ; но когда точно узнаетъ, что уже оныхъ вѣрно лишится, тогда отъ не увѣреннаго желанія родится отчаяніе, которое будетъ верхъ его горестей.

Троекратнымъ ударомъ копья пронзилъ Іовъ сердце Авессалома, который, повисши на своихъ волосахъ, прицѣпившихся къ дереву, съ трепетомъ съ часу на часъ ожидалъ своей смерти. Сколько разъ и неправеднаго человѣка сердце будетъ ранено при смерти главнымъ непріателемъ души его, то есть бозпорядочною склонностію, тремя ударами поражающею его сердце, то есть рвущеюся къ друзьямъ и родственникамъ, къ

служенію чувствъ тѣлесныхъ и наконецъ къ богатству и выгодамъ, которыми пользовался въ жизни своей, и по справедливости грѣшному человѣку можно сказать, какъ у Сираха написано; «отъ трехъ убояся сердце мое, и отъ лица четвертаго устрашится» (Сир. гл. 26, ст. 5). Но я думаю, что и сто причинъ будетъ имѣть неправедный человѣкъ страшиться умирая. Душа, его сто кратъ будетъ боязливѣе а несчастнѣе того, который умретъ одною смертію: ибо она толикимъ смертямъ будетъ подвержена, сколько утратитъ разныхъ вещей, которыя, будучи соединена съ тѣломъ, весьма любила; и какъ Іонаѳанъ въ кускѣ меду едва не получилъ смерть, а Авессаломъ повисъ на своихъ волосахъ, которые были самымъ лучшимъ украшеніемъ его тѣла, такъ человѣкъ неправедный отъ того гибнетъ, что въ жизни всегда больше улаждало тѣлесныя его чувства.

Ежели Пророкъ Давидъ, разлучаясь съ своимъ другомъ не вовсе, но на время, будучи гонимъ Сауломъ, царемъ Іудейскимъ, такъ скорбѣлъ, что, обнимаясь съ нимъ, проливалъ изъ глазъ своихъ слезы, какъ свидѣтельствуетъ Священное Писаніе: «и облобыза кійждо другъ друга, и плакася кійждо» (1 Цар. гл. 20, ст. 41); то какъ же будетъ рыдать грѣшникъ, разлучаясь съ своими друзьями и сокровищами не на время, но на бозконечную вѣчность? Ахъ, другой плачь и другое совсѣмъ ихъ будетъ терзаніе! Увидитъ себя онъ окруженъ родственниками, дѣтьми, родителями, женою и друзьями: подумаетъ, что они въ послѣдній разъ уже его увидятъ, и что ему съ ними разлучиться на всегда надобно. Плачь ихъ прибавитъ ему внутреннее мученіе, и горестъ его будетъ неутолима, потому что надежды ему съ ними увидѣться опять ни малой не будетъ; тогда придетъ въ мысль его позднее раскаяніе, и подумаетъ сей несчастный: ахъ! для чего я не любилъ больше всего

Создателя моего, для котораго я созданъ? Еслибы Ему служилъ я въ жизни моей, любя Его больше всего, то бы та неумѣренная къ родственникамъ и друзьямъ моимъ страсть меня не терзала, которая столь теперь заслѣпляетъ мой разумъ, что при концѣ жизни моей я уже Творца моего надлежащею любовію любить не могу. Ахъ! скажетъ онъ, ужасомъ поражаютъ сердце мое сіи Господни слова: «иже любить отца или мать паче Мене, нѣсть Мене достоинъ" (Матѳ. гл. 10, ст. 37).

Въ то время неправедный человѣкъ, разлучаясь съ удовольствіями тѣлесными, почувствуетъ мерзость оныхъ, потому что болѣзнь и представленіе смерти всѣ прежнія сластолюбивыя утѣхи для грѣшнаго человѣка дѣлаютъ гнусными. Напримѣръ, если болѣзнь человѣку приключится отъ сладкаго напитка, то сей напитокъ, который въ жизни и столь много былъ пріятенъ, при смерти сдѣлается столь отвратительнымъ, что ему на оный и взглянуть нельзя будетъ, когда подумаетъ, что отъ онаго теряетъ жизнь свою; подобнымъ образомъ и грѣшникъ, умирая, возненавидитъ всѣхъ друзей и всѣ свои выгоды, которыя онъ любилъ больше нежели Бога. Ежели онъ въ болѣзни почувствуетъ нѣкоторое благочестіе, то опять, надеясь жизни, начнетъ желать выздоровѣть и наслаждаться прежними выгодами; но какъ болѣзнь усилится, то опять все то чего желалъ, ему бываетъ противно и гнусно. Словомъ сказать, таковой подобенъ безумному, не понимающему, чего самъ хочетъ. Когда же человѣкъ въ такихъ смятеніяхъ находится, можно ли ему думать тогда о спасеніи души своей? И ты, душа моя, сіе представляя, какъ можешь покаянія въ грѣхахъ своихъ отлагать до послѣдняго въ жизни твоей времени? Ежели Святые и Богу преданные люди, помышляя о смерти, трепетали, какъ упоминаетъ въ книгѣ Іисуса сына Сирахова: «о смерти, коль горькая твоя есть память человѣку мирно во имѣніяхъ своихъ

живущу» (Сир. гл. 41, ст. 1), то кольми паче тебя должна тревожить, смерть, въ грѣхахъ утопшая душа моя! Ахъ! придетъ время, когда ты чувствуя жесточайшія слѣдствія, воскликнешь съ Агагомъ царемъ: «такъ ли горька смерть» (1 Кар. гл. 15, ст. 32)! Онъ такъ какъ и ты, всю свою жизнь провелъ въ сластолюбіи и потому столь несносна ему была съ жизнію разлука. Вотъ какой плодъ приноситъ человѣку сего свѣта сластолюбіе и роскошь, что онъ при смерти мятется въ ужасѣ и не радъ, что жилъ на свѣтѣ, что въ томъ пользы, что нѣсколько лѣтъ мы жили роскошно, когда чрезъ всю вѣчность страдать будемъ?

Скажи мнѣ, ослѣпленная свѣтскими роскошами, душа моя, если бы тебѣ какой монархъ въ жизни твоей нынѣшней далъ одно избрать изъ двухъ: или годъ веселиться всѣмъ тѣмъ, что только отъ него потребуешь, а по прошествіи года быть вѣчно на каторгѣ въ непрестанной работѣ и мученіи по смерть твою, или, чтобъ ты годъ претерпѣла безпокойства, разные недостатки, гоненія отъ непріятелей и рязныя бѣдствія, а потомъ дано бы тебѣ было все то, чего бы ты могла отъ него пожелать и позволено было бы наслаждаться всѣмъ тѣмъ по самую смерть: конечно бы ты согласилась на послѣдній договоръ. Безъ сомнѣнія лучше бы ты рѣшилась годъ терпѣть, а всю жизнь твою жить счастливо, нежели годъ веселиться и всю жизнь мучиться. А Царь всей природы на твою волю даетъ чтобъ на годъ, на день и еще меньше (ибо въ сравненіи съ всею вѣчностію жизнь твоя и минутою назваться не можетъ), пожить умѣренно и свято, а потомъ всю вѣчность неисповѣдимыми наслаждаться благами; а ты лучше избираешь минутою пожить весело и вѣчно мучиться, нежели минутою терпѣть, а вѣчно царствовать;

какъ тебя не назвать сумасшедшею и не знающею собственной пользы.

И такъ пора тебѣ опомниться, несчастная душа моя, что тебѣ въ свѣтѣ и въ суетныхъ его роскошахъ, которыя столь много тебя къ себѣ прилѣпили? Повѣрь разуму, представляющему себѣ, что всѣ нажитыя тобою сокровища, всѣ нынѣшнія твои выгоды придутъ тебѣ при смерти въ омерзѣніе, когда не будешь запасена добродѣтелями, представь себѣ, что жизнь человѣка, роскошно живущаго, подобна оливковому плоду, который, пока пребываетъ на деревѣ, вседневно растетъ и тучнѣетъ и пользуется воздухомъ чистымъ и пріятнымъ, какъ бы нѣкакой блескъ имѣетъ въ своей пріятности. Но приходитъ наконецъ такое время, что лѣто кончится, олива падаетъ внизъ и, собравъ оную, кладутъ въ ступу, бьютъ и выжимаютъ то, что она отъ дерева и воздуха получила. Тому подобное дѣлается и съ грѣшными людьми. Всѣ тѣ сокровища, всѣ имѣнія, всѣ тѣ пріятности и выгоды, которыми грѣшникъ пользовался во время жизни своей, смерть изъ него выжимаетъ, и все трудами нажитое добро другому въ прибыль оставляетъ. Помни сей примѣръ, душа моя, тоже съ тобою будетъ, какъ пройдетъ лѣто жизни твоей смерти, гдѣ злой духъ безпрестанно будетъ выбивать изъ тебя прежнія роскоши, которыя ты теперь повседневно умножать стараешься. Послушай что говоритъ Пророкъ Аввакумъ: «горе умножающему себѣ не сущая его» (гл. 2, ст. 6). Не говоритъ сей Пророкъ о тѣхъ только, которые вооружаютъ и похищаютъ чужое добро, но и о тѣхъ кои стремятся за свѣтскими выгодами, для спасенія души человѣка ни мало ненужными: ибо мы ничего почти своего не имѣемъ, но управители бываемъ чужаго добра. Мы свое имѣніе получили отъ отца нашего или дѣда и оставили оное своимъ наслѣдникамъ, такъ какъ предки оставили намъ, и для нихъ мы трудимся, и ихъ добромъ

управляемъ. Нашимъ могли бы назвать то добро, которое бы никогда отъ насъ не уходило, и которое бы на другой свѣтъ перенести могли, но когда мы, разлучаясь съ жизнію, невольны съ собою брать ничего, то имѣніе, которое мы нажили, не наше, но нашихъ наслѣдниковъ, часто и обидчиковъ, которые, во всю жизнь насъ обижая, наконецъ овладѣютъ и имѣніемъ, нами нажитымъ. Вотъ что собственно можетъ быть наше добро: добродѣтель и праведная жизнь! Оное вездѣ съ собою мы нести можемъ, и вездѣ онымъ будемъ счастливы, и вѣчное можемъ имѣть блаженство.

Мнѣ случалось не разъ быть при смерти скупыхъ людей, которые умирая, злословили своихъ, говоря: проклятые, вы растратите скоро то, что мы съ великимъ трудомъ собрали. Въ бытность мою въ Неаполѣ слышалъ я отъ монаха весьма доброй жизни, что онъ точно находился при смерти нѣкотораго богача, который, приказавъ себѣ сварить густую лепешку или саламату, вложивъ въ оную всѣ свои брилліантовыя вещи, вмѣстѣ съ лепешкою ѣлъ и глоталъ оныя, такъ что братъ его, узнавши о томъ, едва могъ у него вырвать изъ рукъ остальные въ лепешкѣ вещи; однако онъ весьма укусилъ за руку, когда тотъ отнималъ у него такую пищу, которою онъ и на другомъ свѣтѣ сытымъ быть надѣялся. Вотъ до чего насъ доводитъ душевный нашъ непріятель. И какъ намъ можно, не покаясь въ грѣхахъ, ожидать смерти и отлагать отъ времени до времени покаянiе въ оныхъ!

Сколько ты, душа моя, имѣешь забавъ и увеселеній, столько ранъ злой духъ ухищреннымъ своимъ копьемъ въ тебѣ сдѣлалъ. Оными ударами еще больше поразить тебя при смерти твоей, когда, лежа на постелѣ, не будешь имѣть силъ защищаться отъ непріятеля; ибо всѣ твои мысли тогда будутъ затмѣнены, и разумъ тупъ къ познанію того, что потребно къ

надлежащему въ грѣхахъ покаянію. Теперь пока разумъ я силы здоровы имѣешь, сражайся съ нимъ крѣпко, отними у него оружіе, и единственно въ попеченіи о спасеніи своемъ упражняйся, и живи для Бога, а не для свѣта, который ничего, кромѣ гибели, тебѣ принести не можетъ. Не дожидаясь смерти, теперь начни оплакивать грѣхи свои, потому что болѣзнь тогдашняя не дастъ тебѣ по должности христіанской къ смерти приготовиться. Ибо смерть, какъ учитъ философія, есть послѣднее изъ всѣхъ старѣйшихъ дѣйствій природы. При смерти и болѣзни тѣлесныя гораздо страшнѣйшими бываютъ человѣку прочихъ болѣзней, которыми ему въ жизни немочь не разъ случалось. Ибо какъ смерть есть разрушеніе сложеннаго, то разрушеніе таковое отъ того больше, человѣческому сложенію ужасно, какъ всѣ утверждаютъ. Богословы, что человѣкъ созданъ отъ Бога безсмертнымъ, а еслибы не согрѣшилъ, то никогда бы не умиралъ. Отъ того-то чрезмѣренъ будетъ ужасъ неправедно живущаго человѣка, когда придетъ время смерти двояковой, и той, которая разлучитъ соединенное съ душою его тѣло, и другой, которая разлучитъ его вѣчно съ Богомъ, для Котораго единственно и тѣло и душа сотворены. Злые духи, яко ненавистники человѣческаго рода, будутъ тогда больше всего употреблять свои искушенія, чтобъ человѣку не дать подумать о покаяніи. Григорій Богословъ утверждаетъ, что человѣку, при смерти лежащему, тяжкою болѣзнію, нельзя почти ни о чемъ иномъ думать, какъ только о болѣзни и о той боли, которая мучитъ его чувства. Чувства всѣ имѣютъ межъ собою согласіе; а мысли и разумъ туда стремятся, гдѣ чувствуется сила скорби. Слѣдовательно душа наша, будучи вся занята болѣзнію, не будетъ думать ни о чемъ иномъ, какъ о болѣзни; развѣ великая благодать Господня поможетъ человѣку помнить тогда о душѣ своей. Но такая благодать дается

только тѣмъ, которые въ жизни своей служили Богу, а отъ тѣхъ отъемлетя, которые чрезъ все время своей жизни были преступниками святѣйшихъ Его повелѣній. Наконецъ стануть мучить неправеднаго человѣка при смерти грѣхи его; тогда грѣшникъ увидитъ множество своихъ грѣховъ, которыми осквернилъ онъ природу свою отъ самаго начала познанія себя самого, увидитъ гнусное свойство оныхъ, узритъ ложь свою, къ ближнему свою ненависть, пролюбодѣйство, воровство, зависть и богохульство свое, коимъ но разъ дерзнулъ прогнѣвлять Создателя своего, Котораго долженъ былъ любить больше самого себя, разсудитъ тогда, что кровь Спасителемъ его избыльно за грѣхи наши пролитая, имъ легко весьма цѣнимая; что кровь сія, которая столько душъ Богу угодныхъ спасла, ему вѣщешю будетъ погибелью, и что за злоупотребленіе сего святѣйшаго и безцѣннаго сокровища не только тѣлесныя, но и душевныя онъ будетъ претерпѣвать мученія.

Святый Іоаннъ въ Апокалипсисѣ видѣлъ «жену сидящу на звѣри червленѣй, облечену въ порфиру и червленицу, и позлащену золотомъ и каменіемъ драгимъ и бисеромъ имущу чашу злату въ руцѣ своей полную мерзости и скверенъ любодѣянія ея» (гл. 17, ст. 3 и 4). Толкователи Священнаго Писанія подъ образомъ сей жены разумѣютъ гордость, чрезъ звѣря разумѣютъ сей свѣтъ тщеславіемъ и гордостью наполненный, а чрезъ чашу златую, наполненную мерзостями преисполненная. Изъ той то чаши пьеть въ жизни своей неправедный человѣкъ; пока онъ живъ и здоровъ, то кажется жизнь его золотымъ вѣкомъ, сладкими кажутся всѣ его грѣхи, и ничего инаго не дѣлаеть во время жизни своей, какъ только держать при устахъ эту чашу, и пьеть неправедность свою изъ оной, какъ утверждаетъ Святый

Иовъ (гл. 15). Но когда придетъ конецъ жизни его, тогда въ позлащенной его чашѣ остаются невкусныя дрожжи, которыя и не хотя ему пить надлежитъ. Святой Пророкъ Іезекиль: «сія глаголетъ Адонай Господь: чашу сестры твоея Самаріи, испіеши и истощеши, и чрезъ ядуши потребиши (гл. 18, ст. 33, 34), то есть и послѣднія самыя и тѣ несчастнѣйшія слѣдствія, кои произойдутъ отъ вкушенныхъ тобою мирскихъ сладостей, выпьешь ты грѣшникъ. Тогда то узнаютъ неправедные, какой вкусъ имѣютъ тѣ пріятности, которыя они за сладчайшія въ жизни своей почитали, узнаютъ, коль пріятны богатства, прелюбодѣйства и вся ихъ роскошная жизнь, которая покажется имъ тогда ядомъ, терзающимъ душу ихъ. Тогда отворятся глаза ихъ, и они познаютъ, какая эта была чата, изъ которой они пили, и какой настоящей вкусъ ими во всю жизнь употребляемаго напитка. По сей причинѣ глаголетъ Святой Духъ: «не упивайтесь виномъ, аще бо на чаши и сткляницы вдаси отчи твои, послѣ и яко отъ змія уязвленъ прострешися» (Притч, гл. 28, ст. 31, 82). Подъ виномъ Богословы разумѣютъ то къ чему человѣкъ имѣетъ испорченную склонность. Вотъ какая прибыль отъ роскоши, о которой мы нынѣ толь усердно стараемся! Ахъ, она намъ при концѣ жизни нашей въ жесточайшій превратился ядъ, который несчастливую нашу душу терзаетъ не престанетъ! Все сіе дѣлаетъ съ неправедною душою злой духъ для того, чтобъ она при концѣ жизни своей почувствовала тѣ мученія, которыя ей вѣчно по смерти претерпѣвать надлежитъ. Такъ еще живому человѣку, при смерти его, представитъ злой духъ опасность, которая отъ него на одинъ только шагъ отстоитъ. Внушитъ ему, что въ толь краткое время предъ смертію прощенія получить не можно, скажетъ ему, что опредѣленіе Господне уже вышло, чтобъ ему быть вѣчно во адѣ. Такими и сими подобными представленіями будетъ злой духъ устрашать

неправеднаго человѣка, при смерти лежащаго, чтобъ онъ не прибѣгъ къ милосердію Божию и покался въ грѣхахъ своихъ.

Пишетъ Іоаннъ Лѣственникъ о нѣкоторомъ старцѣ уединенномъ, который находясь при послѣднихъ издыханіяхъ, былъ искушаемъ діаволомъ, и онъ представилъ ему предъ смертію разные его грѣхи, которыми онъ былъ преисполненъ прежде, нежели вошелъ въ пустыню. Умирая сей старецъ весьма потревожился и ворочился то на ту, то на другую сторону, стоная говорилъ: то правда, что я согрѣшилъ, однако я столько лѣтъ оплакивалъ этотъ грѣхъ; потомъ опять вскричалъ: и въ томъ я согрѣшилъ, но я много слезъ и за оный грѣхъ пролилъ, наконецъ, вздохнувъ тяжело, вскричалъ: ахъ, и этотъ грѣхъ я помню, и не знаю, что сказать въ мое оправданіе. Выговоря сіе скончался, оставя въ братіяхъ, бывшихъ при немъ, великое сомнѣніе о спасеніи его. Мало ли такихъ примѣровъ читаемъ въ житіяхъ Святыхъ Отцевъ, что, всю жизнь многіе препровождая свято, наконецъ злымъ духомъ были искушены и низвергнуты въ адъ. Ежелижъ упомянутый старецъ и многіе иные всю жизнь свою свято проведшіе, при смерти весьма тревожились, такъ что осталось сомнѣніе о спасеніи ихъ; то что сдѣлается съ человѣкомъ, всю свою жизнь въ разныхъ грѣхахъ проведшимъ? Какія смятенія будутъ терзать его сердце, какія діавольскія представленія будутъ тревожить духъ его, и какъ ему не придти въ отчаяніе, когда увидя толикое множество грѣховъ своихъ, знаемъ и то, что за оныя ни одной капельки слезъ не пролилъ, ни разу не вздохнулъ, ни разу не помолился Господу Богу и не просилъ объ отпущеніи своихъ неправдъ? Вотъ отъ чего часто неправедные приходятъ въ ужасъ, въ смущеніе и въ трепетъ предъ смертію своею? Злой духъ тогда имъ представляетъ всѣ ихъ грѣхи, и приводитъ ихъ въ

отчаяніе. «Упованіе нечестиваго яко прахъ отъ вѣтра подъемлемый, и яко пѣна мягка отъ бури расторгнена, и яко дымъ отъ вѣтра разливается, и яко память пришельца единаго дне прииде» (Кн. Премудр. гл. 5, ст. 14), какъ утверждаетъ премудрость Господня. Ахъ, какъ быть крѣпкой тогда надеждѣ, когда человѣкъ мысль будетъ имѣть ослабѣлую и злой духъ всѣ свои употребить силы, чтобъ умирающаго привѣсти въ отчаяніе, когда, говорю, представить неправедному при смерти его всѣ грѣхи, и скажетъ: какъ ты не разумень, что еще хочешь прибѣгнуть къ милосердію Божию. Знаешь, скажетъ онъ, что многіе свято всю свою жизнь препроведшіе за одинъ только грѣхъ вѣчною наказаны смертію, а ты, безчисленными грѣхами оскорбя Творца твоего и ни одной капельки слезъ за оныя не проливъ, чего еще надѣешься? Опредѣленіе на твою смерть уже подписано, и я уже того ожидаю, чтобъ ты умеръ, и чтобъ взять тебя съ собою во адъ. Такое привидѣніе поколебало бы мысли и здороваго человѣка, не только приведеннаго въ изнеможеніе жестокою болѣзнію.

Чтобъ человѣка въ большій привѣсти ужасъ и отчаяніе, не приминетъ душевный нашъ непріятель представить ему и сію страшную мысль: какъ можешь ты, неправедный, надѣяться чтобъ Богъ тебѣ простилъ даромъ грѣхи твои. Сей сильный и справедливый Богъ насъ за одинъ только грѣхъ на вѣчныя осудилъ мученія и первыхъ человѣковъ за неисполненіе единой заповѣди изгналъ изъ блаженнаго жилища, чегожъ тебѣ осталось ожидать, имѣющему совѣсть всю очерненную и не знающему числа грѣховъ своихъ? Ежели Святой Павелъ утверждаетъ: «еже аще сѣетъ сей человѣкъ, тожде и пожнетъ» (Гал. гл. 6, ст. 7); то чтожъ твоимъ удѣломъ должно быть, ежели не адъ, къ которому ты стремился, и для котораго ты во всю жизнь свою работалъ. Ежели

Евангеліе намъ гласить: «достоинъ дѣлатель мзды своя» (Матѹ. гл. 10), то чего тебѣ инаго за дѣло твое ожидать какъ не ада и вѣчнаго мученія? Или ты позабылъ, что святой Іоаннъ гласить въ Апокалипсисѣ: «неимать во градъ Божій внити всяко скверно, и творяи мерзость и лжу» (гл. 21, ст. 27). Не говоритъ ли Святой Петръ Апостолъ: «аще праведный едва спасается, нечестивый и грѣшникъ гдѣ явится» (1 Пос. гл. 14). Такими и оными подобными представленіями будетъ приводить въ отчаяніе злой духъ неправеднаго человѣка, къ смерти его, и какъ ему тогда можно отъ толь сильнаго защититься непріятели, когда не имѣеть никакихъ предъ Богомъ заслугъ и слѣдовательно не достоинъ святѣйшей Его милости? Ахъ, какъ можно побѣдить тогда душевнаго непріятели, когда не имѣеть здраваго разсудка? И ежели онъ побѣждалъ насъ во время жизни нашей при всей способности къ защищенію отъ сѣтей его, то можно ли намъ надѣяться, чтобъ его побѣдить при смерти; когда нѣтъ у насъ ни разума, ни способовъ, ни силъ, ни добродѣтелей, коими единственно отъ толь сильнаго непріятели защищаться можно?

Ахъ, опомнись, несчастная душа, моя, теперъ еще свободное имѣешь время. Пока здравый при тебѣ разсудокъ, узнай количество грѣховъ своихъ, оплакивай оныя, ибо при смерти ни до того тебѣ будетъ. Тяжесть болѣзни затмитъ память твою и хотя во время, когда будешь съ тѣломъ разлучаться, и придутъ тебѣ на мысль грѣхи твои: но о Боже мой, какія тебя, душа, терзатъ тогда будутъ мученія, какой обыметъ ужасъ, такъ что узнать тогда не можешь, что въ такомъ случаѣ дѣлать надлежитъ. Въ то время недоумѣніе тобою овладѣетъ, и добрыя дѣла, которыя ты исполнила когда нибудь, будутъ сомнительны. Ибо какъ простая музыка, которая кажется хорошею неразумѣющему оной, гнусна бываетъ

въ ухахъ искуснаго знатока, такъ добродѣтели твои, кои тебѣ окажутся совершенными, весьма недостаточными покажутся Судьѣ человѣческой природы, Который начало, причину и свойство оныхъ совершенно знаетъ. Если по слову Писанія, и праведникъ едва спасется (Пет. гл. 4, ст. 18), а по сему и самые святые, не имѣя увѣренности о чистотѣ своихъ добродѣтелей объ оправданіи своемъ часто сомнѣваются, то какъ тебѣ надѣяться, грѣшная душа моя, что можешь оправдаться при разлуки твоей съ тѣломъ когда всѣ чувства твои будутъ ослаблены. Ахъ, тогда ты будешь сомнѣваться во всемъ, узнаешь, что принуждаютъ тебя идти, хоть бы ты желала остаться; но остаться тебѣ тогда уже не можно, а разлучаться весьма тяжело и ты будешь непрестанно колебаться сомнѣніями, не зная, что дѣлать. А наконецъ съ тобою то случится, что дѣлается съ тѣми, которые думая весьма долго, не дѣлаютъ ничего и ты, сожалѣя о томъ, что все время жизни твоей протекло такъ, что ты не могла запасться добродѣтелью, наконецъ потеряешь напрасно и тѣ послѣднія минуты жизни своей, кои бы ты на покаяніе употребить могла.

Когда оглянешься назадъ, то увидишь краткость жизни твоей, во время которое ты могла бѣ себѣ заслужить вѣчное блаженство; увидишь что время сіе уже прилетѣло. Когда же посмотришь напередъ, то предстанетъ предъ тебя непостижимая вѣчность, въ которой тебѣ должно терпѣть жесточайшія мученія, ежели умрешь въ грѣхахъ своихъ не покаясь; тогда мысли твои вездѣ будутъ мѣшаться. Подумаешь о райскихъ радостяхъ, которыми всѣ праведные наслаждаются, но тогда придетъ на разумъ тьма грѣховъ твоихъ и раскаешься стократно, что ты чрезъ все время своего съ тѣломъ соединенія не служила Богу, будешь проклинать міръ, къ которому ты столь много была

привязана; сердце твое наполнится ужасомъ и отчаяніемъ, когда сама себя осудишь: какъ недостойную небеснаго блаженства. Тогда вспомнишь объ адѣ и вострепещешь разсудя, что оный для такихъ неправедныхъ, какъ ты, назначенъ. Придетъ тебѣ на мысль и то, что всю жизнь ты вообще препровела, строя домъ свой или на песокѣ, или на воздухѣ, поелику при смерти человѣкъ всего лишается; подумаешь что ты была подобна безсмысленному пауку, который истребляетъ всю свою внутренность на тонкую, но ни къ чему не годную паутину. Будешь сожалѣть, но безъ пользы, что ты все время жизни своей служила тѣлу, которое назначено быть пищею червямъ, а о себѣ самой и не помышляла, что ты опредѣлена для вѣчной жизни, и будучи подобна тѣмъ индѣйцамъ, которые за кусокъ стекла давали множество золота, на тѣнь роскоши, которую имѣла въ жизни, мѣняла вѣчное блаженство.

О! ежели бы то было можно, чтобъ при концѣ жизни твоей было тебѣ хоть малое время дано для покаянія, въ грѣхахъ своихъ, какъ бы ты стремилась къ покаянію, узрѣвъ предъ собою вѣчнаго мученія отверзтую челюсть! Но тогдашнія твои желанія будутъ подобны быстрому коню, который хочетъ бѣжать, будучи понуждаемъ шпорами, но узда его впередъ не пускаетъ, или тому во снѣ потревоженному человѣку, который, видя страшный сонъ, силится и на всѣ, кажется ему, оборачивается стороны, но никакой не можетъ имѣть помощи; тогда голова его наполнена ужасомъ, сердце въ немъ бьется, горло хрипитъ, тѣло дрожитъ и все почти потѣветъ, но силы въ немъ нѣтъ къ спасенію себя отъ видимаго имъ во снѣ страха, потому что чувства всѣ погружены въ глубокое усыпленіе; подобнымъ образомъ во время кончины своей будетъ трепетать неправедный человѣкъ, увидя душевнаго предъ собою непріятеля,

глаза у него остолбенѣють, захрипять у него въ горлѣ, бока окостенѣють, заболить грудь, сердце вострепещеть, ноги задрожать, лицо все сдѣлается холоднымъ, уста посинѣють, руки сдѣлаются неподвижны, на все тѣло холодный выступить потъ, будетъ метаться то въ ту, то въ другую сторону на постелѣ своей, не будетъ имѣть довольной силы и способности защититься отъ нападающаго на него душевнаго непріятеля; тогда смерть заглянетъ ему въ глаза, и какъ искусный воинъ, сдѣлавъ многіе проломы, крѣпостію овладѣетъ, такъ и она, и приведши то болѣзней, то страхомъ въ ослабленіе человѣческое тѣло, овладѣетъ наконецъ онымъ и разлучить его съ душою на вѣки.

Когда смерть приближается къ человѣку, тогда больной начинаетъ напередъ сомнѣваться о своей жизни, а потомъ и отчаяваться въ оной; тогда всѣ его мысли потревожатся и всѣ его чувства несказанную ощущаютъ боль; тогда вся его природа великимъ подвержена смятеніемъ, которая какъ лютые враги, на жизнь его наступаютъ, чтобъ овладѣть тою крѣпостію, которая пребыла нѣсколько лѣтъ на свѣтѣ и тогда съ святымъ Пророкомъ онъ долженъ сказать: «Адержаша мя болѣзни смертныя и потоцы беззаконія смятоша мя, болѣзни адовы обыдоша мя, предвариша мя сѣти смертныя». (Псал. 17, ст. 5). Но утѣшать его тогда ни сродственники, ни дѣти (за воспитаніе которыхъ ему на страшномъ судѣ должно дать отвѣтъ), тогда собственная его кровь ему не будетъ мила. Хотя придетъ къ нему жена и станетъ съ друзьями своими его утѣшать, но она со всѣми ими, бѣдная, сему несчастному не принесетъ отрады. Смерть ужасная, смерть ничего инаго мыслямъ его не представитъ, кромѣ ужаса и отчаянія. Ни во что вмѣняетъ онъ тогда прилагаемые къ ранамъ пластыри, гнушается окало себя стоящими лекарствами, думая, что

оныя причиною его смерти, лежитъ терзаясь однѣми только мыслями, ибо тѣло, языкъ и руки ему уже не повинуются. Конецъ жизни нашей несколько можно сравнить съ нашимъ рожденіемъ: когда родимся, безчисленныя мученія и чрезмѣрный ужасъ причиняемъ матерямъ, умирая сами мучимся и тревожимся. Ахъ! человѣкъ въ сей жизни несчастливъ, и когда умираетъ.

Когда же смерть, исполняя свой долгъ, приближается къ человѣку, на смертномъ лежащему одрѣ, когда начнутъ молиться за душу его, какое ему ужасное зрѣлище! Ножъ смерти вонзенъ почти тогда въ душу его, и уже ему жить и тревожиться нѣсколько только минутъ остается. Тогда онъ ничего не видитъ кромѣ своихъ беззаконій, всегда на мысль ему приходящихъ. Гнѣвъ Господень его устрашаетъ, тогда кровь въ немъ остывать начинаетъ, и на сердце его будто ужасная валится гора; онъ еще будетъ стараться потушенные уже свои взоры отвращать отъ представляющихся ему грѣховъ, но они вездѣ будутъ ему казаться, вездѣ онъ мысленно услышитъ сей гласъ: мы плоды жизни твоей, мы отъ тебя и теперъ не отступимъ; тогда и остатокъ его мыслей придетъ въ смятеніе, и послѣднія его намѣренія и желанія въ трепетъ обратятся.

Никакой тиранъ не можетъ столько мучить того, кого онъ долго ненавидя, досталъ въ свои руки, какъ тогда неправедный человѣкъ будетъ мучить самъ себя своими мыслями: будетъ не разъ проклинать жизнь свою, что не умѣлъ во время оной заслужить себѣ вѣчное блаженство, будетъ сожалѣть о прошедшемъ, но поздно. И какъ тяжело разлучаться двоимъ искреннимъ друзьямъ, такъ душѣ будетъ несносно разлучаться съ двумя

лучшими своими друзьями: съ тѣломъ и свѣтомъ, къ которому она столь много привыкла!

О смерть! Какъ скоро ты къ намъ поспѣваешь! Не успѣемъ узнать, что мы живы, а ты уже часто жизнь нашу прекращаешь; какими сокровенными мѣстами и какою неизвѣстною дорогою ты къ намъ стремишься? На подобіе солнца, которое съ непостижимою скоростію чрезъ свои градусы пробѣгаетъ такъ, что глазъ человѣческой примѣтитъ скорости и движеніе онаго не можетъ, и ты къ намъ стремишься такъ быстро, что ни глазъ стремленія твоего узрѣть не можетъ, ни разумъ объ ономъ ни малаго не имѣетъ понятія. Коль неопровержима твоя власть, когда ничто тебѣ противиться не можетъ! Богатый всѣми сокровищами отъ тебя откупиться не можетъ. Ученый и разумный человѣкъ хитростію своею отъ тебя спастися не въ состояніи. Ты во всемъ отмѣнное имѣешь свойство отъ всѣхъ въ натурѣ находящихся дѣйствій. Всѣ дѣйствія перемѣняются, время, лѣта, свѣтъ, плоды, жизнь, состояніе, — все перемѣнамъ подвержено; одна ты остаешься непремѣнна, всегда одно имѣешь свойство, то есть, чтобъ разрушать всѣ существа тлѣнныя. О смерть несносная! какъ жестоко ты поступаешь съ тѣми, которые, погрузясь въ свѣтскихъ суетахъ, ни мало о тебѣ не помышляютъ; ты часто въ самомъ началѣ ихъ намѣреній, ихъ желаній, ихъ веселостей къ нимъ приспѣваешь, не позволяя имъ окончить лишь начатаго дѣла! Какіе жъ бываютъ плоды твоихъ побѣдъ? плачь сиротъ, вдовъ, и погибель умирающаго. Ахъ! ты всему брэнному конецъ, ты родилась отъ грѣха, и сама родишь ужасъ и смятеніе. Грѣхъ есть твой отецъ; да чтожъ лучшаго могъ онъ произвести ежели не тебя, будучи неугоднымъ Богу и противнымъ всѣмъ Его совершенствамъ.

Теперь познай, душа моя, что общій человѣческаго рода непріятель одну имѣетъ дорогу, которою онъ влечетъ несчастныя души во адъ. Онъ тѣмъ способомъ обманываетъ всѣхъ грѣшныхъ и неправедныхъ людей, которымъ обманулъ Еву, мать человѣческаго рода, сказавъ ей, что не умретъ. И у тебя сколько разъ онъ изъ памяти выбивалъ мысль о смерти, о которой ты повседневно помнить была должна? Сколько разъ онъ и тебѣ запрещенный сего свѣта плодъ его суеты, его прелести представляетъ, сказывая твоему сердцу: покушай этого, будешь счастливъ? и ты исполнивъ его совѣтъ тотчасъ умираешь для благодати Господней, такъ какъ и Адамъ послѣ своего преступленія. И если послѣ того умретъ человѣкъ безъ покаянія, то вѣчной смерти будетъ подверженъ. Знаешь, что время смерти твоей неизвѣстно: можетъ быть, умрешь завтра, можетъ быть, сегодня, сего вечера, или въ тотъ самый часъ, въ который ты о смерти ни мало не думалъ. Жизнь наша всегда убываетъ, время проходитъ, и человѣкъ всегда къ смерти идетъ ближе, всегда лѣта его текутъ къ смерти, далѣе всѣ наши дѣйствія къ оной стремятся на подобіе тѣхъ, которые плаваютъ въ кораблѣ, чтобы они ни дѣлали, всегда ихъ корабль идетъ впередъ. И какъ время часа текущего изъ песочныхъ часовъ, не состоитъ въ паденіи внизъ одной порошинки, но въ полномъ вытеченіи всего песку; такъ смерть человѣческая не въ одной той минутѣ заключается, въ которую человѣкъ умираетъ, но во всей жизни, которая течетъ мало но малу до тѣхъ поръ, пока вся на подобіе песка не высыпется. Ахъ жизнь наша слабѣе самага стекла, которое хотя можетъ упадши на землю быть разбито, однако что нибудь отъ него останется, и часто оное склеиваютъ и въ дѣло опять употребляютъ; когдажъ оное цѣло, то въ одномъ всегда состояніи находится; но когда человѣкъ послѣ многоразличныхъ

паденій, низвержется въ глубину золь, то скорѣе разсыпаться и въ прахъ обратиться можетъ нежели стекло; послѣ натурального своего паденія онъ уже ни къ чему не годится, въ гной и прахъ наконецъ превращается; а когда и живъ, то состояніе его всегда перемѣняется, и сколько въ жизни его было дней, столько въ ней перемѣнъ бываетъ. Одна только въ немъ вѣчна душа, но и та осуждена на неизвѣстность, не знаетъ при жизни, что съ нею будетъ, а послѣ разлуки своей съ тѣломъ идетъ на вѣчное мученіе, ежели будучи соединена съ онымъ, жила безбожно.

Умилосердись же сама надъ собою, душа моя, отвергни сердце свое отъ свѣтскихъ суетъ, пока еще довольно имѣешь силъ. Посмотри, что не далеко отъ тебя твой гость, котораго ты родясь на свѣтъ, ожидать должна, онъ ѣдетъ къ тебѣ на блѣдномъ и тощемъ конѣ; имя его смерть. Приготовься и запасись всѣми добродѣтелями: покайся въ грѣхахъ своихъ; люби Бога твоего больше всего, живи набожно и оный гость тебѣ не будетъ страшенъ когда прибудетъ въ твой домъ. Благодать Господня тогда будетъ съ тобою, и защититъ тебя отъ вѣчнаго твоего непріятеля. Пора тебѣ проснуться отъ своихъ заблужденій, которыя на подобіе сна такъ тобою овладели, что ни разумъ твой не понимаетъ предстоящей тебѣ гибели, ни глаза оную узрѣть не могутъ. Господь Богъ Самъ тебя сими побуждаетъ словами: «доколѣ о лѣнивѣ лежитъ, когда же отъ сна востанеши» (Притч. гл. 6, ст. 9)! Проснись, несчастная душа моя, въ роскошахъ свѣтскихъ тѣломъ твоимъ усыпленная! Чего еще ожидаешь? Не хочешь ли, чтобъ грѣхъ тебя пробудилъ? но весьма поздно. Тогда ты его узнаешь, когда смерть тебѣ вѣчность откроетъ. Повседневные примѣры въ томъ тебя развѣ еще не увѣрили, что неотмѣнно чрезъ оныя врата тебѣ идти надлежитъ? Дорога предъ тобою неизвѣстная, и всю

жизнь идешь въ неизвѣстности. О томъ только вѣра Христіанская тебя увѣдомляетъ, человѣкъ, что ежели, странствуя въ вѣчности, будешь запасенъ добродѣтелями, то придешь къ вѣчному благополучію, ежели жъ несешь съ собою неправедность, то зайдешь въ вѣчную погибель. Возьми въ примѣръ малаго насѣкомаго муравья, онъ все лѣто запасается чтобъ было ему чемъ питаться когда придетъ зима. Для чего жъ и ты во время лѣта жизни твоей, когда еще возрастъ твой цвѣтетъ, не запасаешься добродѣтелями на зиму твоей старости, когда, какъ снѣгъ, бѣлизна покроетъ власы твои, чтобъ имѣлъ ты чѣмъ жить и въ другой жизни, въ которой никто счастливъ быть не можетъ, ежели придетъ изъ сего свѣта въ другой безъ добрыхъ дѣлъ? Знаешь, что одинъ только разъ умереть тебѣ надлежитъ; какъ же не мыслишь, чтобъ умереть хорошо? А хорошо тому умереть нельзя, кто всю свою жизнь провелъ въ грѣхахъ. Ахъ! нельзя тебѣ будетъ по смерти опять возвратиться на сей свѣтъ, чтобъ покаяться въ грѣхахъ твоихъ, и заслужить милость Господню. Нѣтъ! разъ только умрешь, и въ какомъ тогда состояніи будетъ твоя совѣсть, въ такомъ ты и на вѣки пребудешь. Ежели была она очернена неправедностію и злобою, то и зло съ тобою въ адъ переселится, и такъ твоими дѣйствіями будешь вѣчно терзаема.

Покайся, покайся въ грѣхахъ, бѣдный грѣшникъ, ты умрешь непременно, хотя твой вѣчный непріятель память смерти отъ тебя удаляетъ и увѣряетъ, что будешь жить долго, что еще ты недавно рожденъ и можешь жить до ста лѣтъ; не вѣрь ему, знай, что можно умереть и завтра, смерть никого не пощадитъ, какъ бы кто здоровъ ни былъ, какою бы крѣпостію и силою ни одарила его натура, все отъ смерти не уйдетъ. Мало ли ты зналъ такихъ людей, которые съ тобою жили дружно, а часто на одной съ тобою спали и, можетъ быть,

грѣшили, постелѣ? а теперь уже ихъ нѣтъ въ числѣ живущихъ, и кости ихъ уже въ прахъ превращены. Съ тобою тоже завтра быть можетъ.

О дражайшій Спаситель мой! О жизнь безсмертная, существо смерти не подверженное и никакого начала не имѣющее! прошу Тебя со слезами, несчастнѣйшій и грѣшнѣйшій изъ числа всѣхъ неправедныхъ человѣковъ въ свѣтѣ, услыши мой бѣдный гласъ. Помоги несчастной душѣ моей, покаяться въ грѣхахъ желающей, но еще отъ лстивыхъ пріятностей сего свѣта отторгнуться не могущей, будь ко мнѣ милосердъ. Создателю мой, Спасителю души моей, возри, о Боже мой, на несчастное состояніе души моей, которая стонетъ подъ тяжестію своихъ неправедностей. Уже нахожусь я почти на самомъ краю моей страшнѣйшей гибели, и ежели Ты не подашь мнѣ милосердой Своей десницы, то скоро и очень скоро впаду въ оную, и никогда уже оттуда не выйду. Знаю я, милосердый Создателю мой, что Ты не хочешь того, чтобъ грѣшникъ погибъ въ своихъ неправдахъ, Ты желаешь, чтобъ весь человѣческій родъ получилъ спасеніе, но мы сами о томъ не стараемся. Ежели Ты терпѣль неправедность мою, когда я утопалъ въ смертныхъ грѣхахъ, и не наказывалъ меня за злодѣянія мои, изъ за которыхъ я былъ достоинъ ада, то крѣпко надеюсь, что не отринешь просьбы моей, и выслушавъ оную, не накажешь вѣчною смертію человѣка, къ милосердію Твоему прибѣгающаго. Ты насъ всегда къ своему благоутробію призывалъ, хотя мы и не внимали святѣйшему Твоему гласу: можешь ли теперь не принять насъ, когда мы къ оному прибѣгая, просимъ тебя со слезами, принять насъ къ Себѣ и къ вѣчному Твоему милосердію? Ты съ тѣмъ умеръ, чтобъ мы жили вѣчно; можетъ ли то снестъ Твое милосердіе, чтобъ мы умерли, когда Ты, для нашего спасенія воскреси изъ мертвыхъ,

живешь и вѣчно жить будешь. Воззри на меня, Господи Боже мой, уподобившагося малому ребенку, который все получаетъ чрезъ слезы, умоляю Тебя, всѣми тѣми трудами и муками, которые Ты за меня грѣшнаго претерпѣлъ; будь милосердъ ко мнѣ, прости мнѣ всѣ мои вины которыя помню, и кои вылетѣли изъ мыслей моихъ, сохрани меня и впредь отъ всѣхъ грѣховъ, о премилостивѣйшій Спасителю мой, Иисусе Христе, жизнь и надежда Тебя любящихъ! Не суди меня по правосудію Своему, по сотвори со мною по единому Твоему милосердію. Ибо кто можетъ предъ Тобою оправдаться? Да не погибну я въ неправдахъ моихъ, которыми очернена душа моя. Ты, Который однимъ словомъ творишь чудеса, разумомъ нашимъ непостижимыя, сотвори со мною милосердіе Свое, очисти отъ грѣховъ душу мою. О Боже мой, предъ которымъ вся природа и всѣ силы ея трепещуть, не погуби меня бѣднаго по землѣ пресмыкающагося червяка. Знаешь, что я одно ничто и восхощешь ли устремлять гнѣвъ Свой противъ одного насѣкомаго безсильнаго? Вспомни то, что Ты за меня грѣшнаго великіе на семь свѣтѣ понесъ труды? Ты за насъ до послѣдней капли всю Свою истощилъ кровь; благоволи и мнѣ пройти чрезъ сіе черное море милосердія Твоего и достигнуть обѣтованной земли спасенія моего: знаю я, что Тебѣ несносно видѣть человѣка, за котораго Ты замученъ, нисходящимъ во адъ и на вѣки погибающимъ, такъ какъ несносно той матери, которая родить не живаго младенца, котораго она въ чревѣ своемъ съ великимъ трудомъ толь долго носила. О несчастливый я человѣкъ! для чего изъ очей моихъ не источаю токи слезъ? Какъ холодно я Богу моему молюся и прошу объ отпущеніи грѣховъ моихъ! Для чего во мнѣ сердце отъ грусти не рвется, что я прогнѣвалъ Бога моего? Какъ тяжка и нечувствительна душа моя, что не вздыхаетъ безпрестанно! Коль неподвижно сдѣлалось

тѣло мое, что не дрожить отъ страха, прогнѣвая Того, предъ Которымъ хоры ангельскіе, прославляя могущество Его, трепещутъ! А я, безумный, пришедъ къ Тебѣ, яко повинный смерти предъ судью Своего, не уважаю Твоего величества, и просьбы мои не соединены съ трепетомъ и со слезами. Но чтобы я ни дѣлалъ, все я не иное что есмь, какъ тщетна, гнилое дерево, не имѣющее жизни добродѣтелей, бесплодная земля, ничего произвести не могущая, какъ только грѣхъ и неправедность всякую. Что ни вздумаю добраго сдѣлать, во всемъ томъ сила Твоя для меня необходима, и что ни сдѣлаю добраго, все то сдѣлано будетъ помощію Твоею. Потому молю Тебя, всемогущій Господи Боже мой, ниспошли мнѣ благодать Твою, наполни оною сердце и душу мою, чтобъ я умѣлъ служить Тебѣ и Твои святѣйшія соблюдать повелѣнія. Смягчи сердце мое, чтобъ оно сокрушалось безпрестанно о томъ, что тебя, Бога моего, прогнѣвала. Освѣти разумъ мой, чтобъ онъ ничего инаго мнѣ совѣтывать не могъ, какъ только, служить Тебѣ Творцу моему. Обуздай волю мою, чтобъ она къ злу не клонилась; начертай въ сердце моемъ пресвятѣйшее имя Твое, чтобы оно всѣмъ мною обладало. Спаси меня отъ злаго духа, и остерегай меня, милосердый Спасителю мой, чтобъ я не запутался въ сѣтяхъ, на душу мою разставленныхъ, и даруй мнѣ Христіанскую смерть, чтобъ я умеръ, помня о Тебѣ, покаюсь въ грѣхахъ своихъ, съ произношеніемъ Твоего святѣйшаго имени послѣдній мой испустилъ духъ.

Конецъ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ

Издание данной книги осуществляется при поддержке Благотворительного фонда восстановления церкви Святой Живоначальной Троицы с часовней в Язвищах (<http://xram-v-yazvichax.ru>), занимающегося реставрацией храма, расположенного в селѣ Язвищи Боровѣнковскаго сельскаго поселенія Окуловскаго района Новгородской области.

Данный топонимъ образованъ отъ слова «язвина», однимъ изъ значеній котораго въ старославянскомъ языкѣ является слово «нора». Недалеко отъ села протекаетъ рѣка Язовка, изрытая лисьими норами, давшая ему наименованіе.

Одно изъ первыхъ упоминаній о селѣ можно встрѣтить въ Переписной оброчной книгѣ Деревской пятины отъ 1495 года. Уже тогда тамъ проживали десятки человѣкъ.

Шли вѣка... Смѣнялись поколѣнія... Въ началѣ XX вѣка въ Язвищахъ проживали около 40 человѣкъ, что, можетъ быть, и немного, т.к. это была церковная земля, зато въ близлежащихъ деревняхъ – около 700 человѣкъ.

Жили люди, перестраивались и церкви, постоянно находившіяся въ селѣ. Такъ, въ 1891 году на мѣстѣ старой деревянной церкви былъ выстроенъ каменный храмъ Святой Живоначальной Троицы, возлѣ котораго расположилась богадѣльня, другія постройки. Рядомъ проживали и священнослужители.

Но прошло чуть менѣе трѣхъ десятилѣтій, и храмъ сталъ не нуженъ. Окончательно онъ закрылся въ 1937 году. Потихонечку исчезали люди. Война, лагеря, очень многіе разѣхались въ города... Умерло и село Язвищи, которое было снято съ регистраціи въ 1977 году. Вмѣстѣ съ нимъ

умерли ещё десятки подобных сёл и деревень.

Сейчас в близлежащих к храму деревнях вместо семисот человек, о чём сказано выше, проживает около тридцати. Лишь летом съезжаются дачники и местность как-то оживает.

В Язвицах остался только один дом, в котором проживали священнослужители, да и тот давно непригоден для жилья.

А храм стоит – поруганный, осквернённый, но величественный – иждёт...

Почему такое произошло? Как вернуть в те прекрасные места людей, Жизнь? На эти вопросы есть много предположений, но мы считаем, что сначала надо приступить к реставрации храма. И затём всё вернётся, т.к. в тех местах появится вёра, без которой не может жить ни теист, ни атеист.

С 2011 года мы начали реставрировать наш храм. За это время вынесли мусор, застелили временные полы, закрыли плёнкой окна. Ввиду того что здание церкви является памятником архитектуры, приступили к разработкѣ научно-проектной документации.

Если Вы имѣете возможность помочь нам в дѣлѣ восстановления храма, то просим Вас перечислить посильное пожертвование на реквизиты нашего фонда:

Расчётный счёт получателя: 40703810655100000343 в
Сѣверо-Западномъ банкѣ ПАО «Сбербанкъ Россіи»,
Санктъ-Петербургъ.

ИНН получателя: 7816290748.

Получатель: Фондъ восстановления церкви Святой Троицы
в Язвицахъ.

Счётъ Банка получателя: 30101810500000000653.

БИК Банка получателя: 044030653.

Назначение платежа: Благотворительное пожертвование.

Съ вопросами Вы можете обращаться по телефону (921)33-99-801 (Олегъ Лавровъ) или на электронный адресъ lavrovoa@mail.ru.

Благодаримъ Васъ за поддержку, друзья!

